

Альамин Ахмед Сальма Мамун (Судан)

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

АВТОРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ И. БРОДСКОГО: СБОРНИК СТИХОВ «УРАНИИ» («ТО URANIA»)

Книга стихов И. Бродского «То Urania» в английских переводах, вышедшая в 1988 году, в значительной степени совпадает с русской «Уранией» по составу, но название немного изменено. По-английски книга называется не “Urania” а “То Urania”, то есть не «Урания», а «Урании» или «к Урании», что проясняет мысль Бродского. Даря нам английскую «Уранию», Бродский написал на титуле: “То Nina and Leo – my inner bio” («Нине и Лео – моя внутренняя биография»). К Урании – это вектор внутренней биографии Бродского.

Объясняя название сборника, Бродский в 1992 году говорил интервьюеру: «[Данте], мне кажется, в *Чистилище*... <...> взывает к Урании на помощь, помочь переложить в стихи то, что трудно поддаётся словесному выражению <...> я хотел назвать книгу «Марш к Урании» по аналогии с оденовским «Марш к Лео» ... » [Полухина 2000].

Название сборника также связано со стихотворением особо любимого Бродским Баратынского «Последний поэт» (1835), но, как это нередко бывает со скрытой цитатией у Бродского, он цитирует полемично. У Баратынского поэт, поющий «благодать страстей», противопоставлен «поклонникам Урании холодной». Бродский, напротив, утреждает в качестве своей музы «холодную» музыку астрономии, географии, и в расширительном толковании, музыку объективного, независимого от эмоциональности творчества. «Урания» – холодная книга в самом прямом смысле слова.

В сборнике «Урании» новые стихи перемешаны с переводами поэта его стихов, написанных за последние 14 лет.

Из семидесяти трёх стихотворений в двадцати четырёх, то есть почти трети, говорится про холод, зиму и осень, и только в десяти про весну и лето. В «Урании» есть такие полные жизнелюбия вещи, как «Пьяца маттеи», «Римские Элегии», «Горение», но преобладает мотив резиньяции, стремление к отрешённому, бесстрастному тону. Это становится особенно видно из сравнения по тематическому сходству стихов «Урания» с ранними вещами. Политический пафос таких стихов, как «Письмо генералу Z.» (КПЭ), «1972 год» (ЧР) сменяется мрачным сарказмом «Стихов о зимней кампании 1980 года» и «Пятой годовщины». Страстное богоискательство (Разговор с небожителем», «Натюрморт» КПЭ) – ироническим агностицизмом («Посвящается стулу»). В «Островах» 1968 года («На прощанье ни звука», ОВП), о

разлуке с любимой говорилось: «Так посмертная мука/и при жизни саднит», - а в «Островах» 1978 года («На подобье стакана...»)

В ироничных, хорошо сделанных текстах он размышляет о том, что он среднего возраста, и измеряет пропасть между идеалами и реальностью. Бессмысленность существования выражается в его описании Земли: «Сфера в пространстве без маркеров / спинов и спинов».

Некоторые стихи являются политическими; «Берлинская настенная мелодия» злобно разжигает упорядоченный менталитет, удерживающий железный занавес.

Бродский экспериментирует с различными формами: «Двадцать сонетов Марии-королеве шотландцев», «Литовский ноктюрн», гимн, философские диалоги, виньетки влажной, зимней Венеции, балтийская метель, полярная экспедиция.

Данный сборник лучше всего характеризует ориентацию на читателя как главную стратегию авторского перевода. Стихотворение должно быть понятно читателю, а отсюда – необходимость переработки глубинной семантики исходного текста.

Результаты этой переработки могут оказаться существенными, как и произошло, например, в начале второго сонета из цикла «Двадцать сонетов Марии Стюарт». Приводим цитату первых двух стихов каждого из вариантов.

В конце большой войны не на живот,
Когда что было, жарили без сала... [Бродский: 106]

The war to end all wars produced ground zero.
The frying pan missed fat that missed pork chops... [Brodsky: 52]

В первых двух стихах русскоязычного сонета И. Бродского сталкиваются и «перетекают» друг в друга два социолекта, два способа речевого поведения – архаизированный патриотический социолект (реконструируем полную форму: «не на живот, а на смерть»), с одной стороны, кухонно-бытовой социолект (возможная полная форма: « – Что жарили-то? – А что было, то и жарили»), с другой. Эллипсис становится инструментом этого «взаимоперетекания» претекстов, участвующих в формировании единого текста.

Архаизация «патриотического» социолекта объясняется конкретно-историческими реалиями: известно, что в напряженных условиях Отечественной войны И. Сталин и советское руководство умело мобилизовали ресурсы патриотизма за счет апелляции к славным страницам российской истории: были учреждены ордена Нахимова, Ушакова, Кутузова, Суворова, Александра Невского – полководцев и

флотоводцев, с чьими фигурами и делами как раз вполне соотносима использованная И. Бродским формула «не на живот, а на смерть». Второй тип дискурса отягощен семой скудости, минимальности рациона, что вполне объяснимо условиями войны и блокады, явившимися фоном детства поэта – они же являются фоном и стихотворения. Эти две семы и составляют семему, формирующую семантический план первых двух стихов русского варианта второго сонета: патриотизм, подпитываемый скудным пайком, но от этого отнюдь не скудеющий. При этом комбинаторная семантика формирующейся семемы оказывается для автора-переводчика гораздо более важной, чем имманентная семантика вступающих во взаимодействие претекстов.

Именно в силу этого обстоятельства совершенно оправданной является данная переводчиком в первом стихе англоязычного варианта сонета фраза “The war to end all wars...”. Впервые использованная в начале первой мировой войны английским писателем Гербертом Уэллсом в названии книги статей “The War That Will End War”, а впоследствии повторенная президентом Вудро Вильсоном, эта фраза с небольшими вариациями становится в англоязычных странах своеобразным патриотическим клише, которое к концу XX века вполне могло обрести семантику, сходную с русским «не на живот, а на смерть». Тождество способов речевого поведения – с известными оговорками – очевидна. Второй же стих английского текста, также при всех расхождениях в деталях, достаточно полно воспроизводит и «кухонно-бытовой» дискурс с коннотациями «скудость рациона», которому в русском тексте придана форма «что было, то и жарили».

Главное же то, что объектом перевода, и успешного, стали не сами эти фрагменты дискурса, а способ их соотнесения, который и формирует содержательность текста и на русском, и на английском языке. По сути, авторский перевод оказывается не столько иноязычным вариантом оригинального произведения, сколько его «второй» частью, с одной стороны, связанной с оригиналом, а, с другой стороны, вполне автономной и понятной англоязычному читателю.

ЛИТЕРАТУРА

- Полухина В. Бродский И. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 702 С.
Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. / Под общ. ред. Я.А. Гордина. СПб.: Пушкинский фонд, 1998–2001. – Т.3. Изд. 2. 443 С.
Brodsky Joseph. To Urania: Selected Poems. 1965 – 1985. London: Penguin Books, 1988. 182 p.